

УДК 821.161.1-31
ББК 84(Рос=Рус)6-44
Р24

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*
Иллюстрация на обложке *М. Салтыкова*

Распутин, Валентин Григорьевич.

Р24 Уроки французского : повести и рассказы /
В.Г. Распутин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
320 с.

ISBN 978-5-17-120700-7 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-120698-7 (Школьное чтение)

Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015) — русский писатель, публицист, общественный деятель.

После окончания начальной школы в своём родном селе Аталанка Иркутской области будущий писатель вынужден был переехать в районный центр Усть-Уда, чтобы продолжать учёбу в средней школе. Это был тяжёлый период для маленького мальчика: жизнь у чужих людей, полуголодное существование, невозможность одеваться и питаться как положено, ссоры с местной ребятнёй. Всё, что описывается в рассказе «Уроки французского» (1973), можно считать реальными событиями, ведь именно такой путь прошёл сам Валентин Распутин.

Герои повести «Последний срок» (1970) стоят у своеобразной жизненной черты, у которой рано или поздно оказывается человек. С чем подойдёт каждый к этой черте? Нравственность и безнравственность, эгоизм и бескорыстие, чёрствость и равнодушие — вот основные темы произведений Валентина Распутина.

В книгу также вошли рассказы «Век живи, век люби», «Я хотел спросить у Лёшки», «Мама куда-то ушла» и другие.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(Рос=Рус)6-44

© Распутин В. Г., насл., 2020
© Салтыков М.М., ил., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПОСЛЕДНИЙ СРОК

Повесть

1

Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде пришло: старухе было под восемьдесят. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силёнок, сдалась и слегла. Летом ей будто легчало, и она выползала во двор, грелась на солнышке, а то и переходила с роздыхом через улицу к старухе Миронихе, но к осени, перед снегом, последняя мочь оставляла её, и она по утрам не в состоянии была даже вынести за собой горшок, доставшийся ей от внучки Нинки. А после того как старуха два или три раза подряд завалилась у крыльца, ей и вовсе приказали не подниматься, и вся её жизнь осталась в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать.

За свою жизнь старуха рожала много, но теперь в живых у неё осталось только пятеро. Получилось так оттого, что сначала к ним в семью, как хорёк в курятник, повадилась ходить смерть, потом началась война. Но пятеро сохранились: три дочери и два сына. Одна дочь жила в районе, другая в городе, а третья и совсем далеко — в Киеве. Старший сын с Севера, где он оставался после армии, тоже перебрался в город, а у младшего, у Михаила, который один из всех не уехал из деревни, старуха и дожидала свой век, стараясь не досаждать его семье своей старостью.

В этот раз всё шло к тому, что старухе не пережить. Уже с лета, как только оно пошло на убыль, старуха стала обмирать, и только уколы фельдшерицы, за которой бегала Нинка, доставали её с того света. Приходя в себя, она тоненько, не своим голосом, стонала, из глаз её выдавливались слёзы, и она причитала:

— Сколь раз я вам говорила: не трогайте меня, дайте мне самой на покой удти. Я бы тепери где-е была, если бы не ваша фельдшерица. — И учила Нинку: — Ты не бегай боле за ей, не бегай. Скажет тебе мамка бежать, а ты спрячься в баню, подожди, а потом скажи: нету её дома. Я тебе за это конфетку дам — сладкую такую.

В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: её стал одолевать сон. Она уже не пила, не ела, а только спала. Тронут её — откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, и опять заснёт. А трогали её часто — чтобы знать: жива, не жива. Высохла и ближе к концу вся пожелтела — покойник покойником, только что дыхание не вышло.

Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня-завтра отойдёт, Михаил пошёл на почту и отбил брату и сёстрам телеграммы — чтобы приезжали. После этого растолкал старуху, предупредил:

— Подожди, мать, скоро наши приедут. Повидаться надо.

Первой, уже на другое утро, приехала старшая старухина дочь Варвара. Ей добираться из района было недалеко, всего-то пятьдесят километров, и для этого ей хватило попутной машины. Варвара открыла ворота, никого не увидела во дворе и сразу, как включила себя, заголосила:

— Матушка ты моя-а-а!

Михаил выскочил на крыльцо:

— Погоди ты! Живая она, спит. Не кричи хоть на улице, а то соберёшь сейчас всю деревню.

Варвара, не глядя на него, прошла в избу, у старухиной кровати тяжело стукнулась на колени и, мотая головой, снова взвыла:

— Матушка ты моя-а-а!

Старуха не пробудилась, ни одна кровинка не выступила на её лице. Михаил пошлёпал старуху по провалившимся щекам, и только тогда её глаза изнутри задвигались, зашевелились, пытаясь открыться, и не смогли.

— Мать, — тормозил Михаил. — Варвара приехала, погляди.

— Матушка, — старалась Варвара. — Это я, твоя старшая. Я к тебе повидаться приехала, а ты на меня и не смотришь. Матушка-а-а!

Глаза у старухи ещё покачались-покачались, словно чашечки весов, и остановились, сомкнулись. Варвара поднялась и отошла плакать к столу — где удобнее. Она рыдала долго, пристукивая головой о стол, зашла в слезах и уже никак не могла остановиться. Возле неё ходила пятилетняя Нинка, пригибалась, чтобы заглянуть, почему Варварины слёзы не бегут на пол; Нинку прогоняли, но она, хитря, снова прокрадывалась и лезла к столу.

Вечером на счастливо подгадавшем пароходе, который ходит только два раза в неделю, приехали городские — Илья и Люся. Михаил встретил их на пристани и повёл в дом, где все они родились и выросли. Шли молча: Люся и Илья по узкому и шаткому деревянному тротуарчику, Михаил рядом, по комкам засохшей грязи. Деревенские здоровались с Люсей и Ильёй, но не задерживали разговорами, проходили и с интересом оглядывались. Из окон на приехавших тарачились старухи и ребятишки, старухи крестились.

Варвара при виде брата и сестры не утерпела:

— Матушка-то наша... Матушка-а-а!

— Погоди ты, — опять остановил её Михаил. — Успеешь.

Сошлись все у старухиной кровати — и Надя, Михайлова жена, тут же, и Нинка. Старуха лежала недвижимо и стыло — то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти. Варвара ахнула:

— Не жива.

На неё никто не цыкнул, все испуганно зашевелились. Люся торопливо поднесла ладонь к открытому рту старухи и не почувствовала дыхания.

— Зеркало, — вспомнила она. — Дайте зеркало.

Надя кинулась к столу, на ходу вытирая о подол осколок зеркала, подала его Люсе; та торопливо опустила осколок к бескровным старухиным губам и с минуту подержала. Зеркальце чуть запотело.

— Жива, — с облегчением выдохнула она. — Жива наша мама.

Варвара опять спохватилась плакать, будто услышала всё не так, Люся тоже опустила слезу и отошла. Зеркальце попало к Нинке. Она принялась на него дуть, заглядывая, что с ним после этого будет, но ничего интересного для себя не дождалась и, улучив момент, сунула зеркальце ко старухиному рту, как только что делала Люся. Михаил увидел, при всех отшлёпал Нинку и вытолкал из комнаты.

Варвара вздохнула:

— Ах, матушка ты наша, матушка.

Надя спросила, куда подавать на стол — сюда, в комнату, или в кухню. Решили, что лучше в кухню — чтобы не тревожить мать. Михаил принёс бутылку водки и бутылку портвейна, водку разлил себе и Илье, портвейн сестрам и жене.

— Татьяна наша сегодня уж не приедет, — сказал он. — Ждать не будем.

— Сегодня не на чем больше, ага, — согласился Илья. — Если вчера получила телеграмму, сегодня на самолёт, в городе пересадка. Может, сейчас в районе сидит, а машины на ночь не идут — ага.

— Или в городе.

- Завтра будет.
- Завтра обязательно.
- Если завтра, то успеет.

Михаил на правах хозяина первый поднял рюмку:

- Давайте. За встречу надо.
- А чокаться-то можно ли? — испугалась Варвара.

- Можно, можно, мы не на поминках.
- Не говорите так.
- А теперь говори не говори...

— Давно мы вот так все вместе не сидели, — с грустью сказала вдруг Люся. — Татьяны только нет. Приедет Татьяна, и будто никто никуда не уезжал. Мы ведь раньше всегда за этим столом и собирались, в комнате только для гостей накрывали. Я даже на своём месте сижу. А Варвара не на своём. И ты, Илья, тоже.

— Где уж там — не уезжали! — стал обижаться Михаил. — Уехали, и совсем. Одна Варвара заглянет, когда картошки или ещё чего надо. А вас будто и на свете нету.

- Варваре тут рядом.

— А вам прямо из Москвы ехать, — поддела Варвара. — День на пароходе — и тут. Уж хоть бы не говорили, раз за родню нас не признаёте. Городские стали, была охота вам с деревенскими знаться!

— Ты, Варвара, не имеешь никакого права так говорить, — разволновалась Люся. — При чём здесь городские, деревенские? Ты думай, о чём говоришь.

— Ага, у Варвары, конечно, нету права говорить. Варвара не человек. Чё с ней разговаривать? Так, пустое место. Не сестра своим сёстрам, братьевьям. А если спросить тебя: сколько ты дома до сегодняшней поры не была? Варвара не человек, а Варвара матушку нашу проводывала, в год по сколько раз проводывала, хоть у Варвары не твоя семья, побольше. А теперь Варвара и виноватая сделалась.

— Давно не была — чего там! — поддержал Варвару Михаил. — У нас ещё Нинка не родилась, приезжала. А Илья в последний раз был — когда с Севера переехал. Ещё Нинку Надя от груди отнимала. Помнишь, горчицей соски мазали, ты смеялся.

Илья помнил, кивнул.

— Не могла, вот и не приезжала, — обиженно сказала Люся.

— Захотела, смогла бы, — не поверила Варвара.

— Что значит смогла бы, если я говорю, не могла? У меня такое здоровье, что если в отпуск не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать.

— У Егорки всегда отговорки.

— При чём здесь какие-то Егорки и отговорки?

— А так, ни при чём. Вам уж и слова сказать нельзя. Важные стали.

— Ладно вам, — сказал Михаил. — Поехали ещё по одной. Чего она будет киснуть?

— Поди, хватит, — предупредила Варвара. — Вам, мужикам, только бы напиться. Матушка при смерти лежит, а они тут разгулялись. Не вздумайте ещё песни петь.

— Песни никто и не собирался петь. А выпить можно. Мы сами знаем, когда можно, когда нельзя — не маленькие.

— Ой, да с вами только свяжись.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным деревянным столом, сколоченным их покойником отцом лет пятьдесят назад. Все они, пожив отдельно, теперь мало ходили друг на друга. Посмотреть на Варвару, она по виду годилась им в матери, и хотя только в прошлом году ей пошёл шестой десяток, смотрелась она много хуже этого и уже сама походила на старуху, да ещё, как никто в родове, была толстой и небыстрой. Одно она переняла от матери: рожала тоже много, одного за другим, но к той поре, когда она стала рожать, ребятишек научились обере-

гать от смерти, а войны на них ещё не было — поэтому все они находились в целости и сохранности, только один парень сидел в тюрьме. Радости в своих ребятах Варвара видела мало: она мучилась и скандалила с ними, пока они росли, мучится и скандалит сейчас, когда выросли. Из-за них раньше своих годов и состарилась.

За Варварой у старухи шёл Илья, потом Люся, Михаил и последней была Татьяна, которую ждали из Киева.

Илью из-за малого роста до армии звали Ильёй-коротким, и хоть длинного Ильи в деревне не было, прозвище это так и пристало к нему. Оттого что больше десяти лет он прожил на Севере, волосы у него сильно повывлезли, голова, как яйцо, оголилась и в хорошую погоду блестела, будто надраенная. Там, на Севере, он и женился, да не совсем удачно, без поправки: брал за себя бабу нормальную, по росту, а пожилы, она раздалась в полтора Ильи и от этого осмелела — даже до деревни доходили слухи, что Илья от неё терпит немало.

Люсе тоже уже больше сорока, но ей ни за что столько не дашь: она не по-здешнему моложавая, с чистым и гладким, как на фотокарточке, лицом и одета не как попало. Люся уехала из деревни сразу после войны и за столько лет научилась, конечно, у городских за собой доглядывать. Да и то сказать: какие у неё ещё заботы без ребятишек? А ребятишек Люсе Бог не дал.

У Михаила — не то что у Ильи — волосы по-цыгански густые и кудрявые, борода и та курчавится, завивается в колечки. Лицом он тоже чёрный, но чернота эта не столько от родовой, сколько от солнца да от мороза — летом у реки на погрузке, зимой в лесу на валке — круглый год он на открытом воздухе.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным кухонным столом, чтобы не мешать умирающей ма-

тери, ради которой впервые за много лет собрались в родном доме. Не хватало только Татьяны, самой младшей. У Михаила с Ильёй ещё было что выпить, женщины отставили от себя рюмки, но не вставали — сидели, размякнув от встречи и разговоров, от всего, что выпало им в этот день, боясь того, что выпадет завтра.

— Надо было мне сразу и Володьеке телеграмму отправить, — говорил Михаил. — Теперь бы уж здесь сидел, возле нас. Охота на него посмотреть, какой стал.

— Он где? — спросил Илья.

— В армии. Второй год уже доходит. Летом обещался приехать в отпуск, да, видать, проштрафился — не пустили. Пишет, что кто-то там из его отделения с поста ушёл, а его, как командира, наказали. Может, и сам что натворил, там это недолго. Как думаешь, отпустят его, нет, если к бабке?

— Должны отпустить.

— Надо было вчера сразу и отбить. Дурака сваллял. Думаю, как написать, чтоб не прискреблись? Внук всё же, не сын.

— Так бы и написал: бабка плохая, срочно приезжай, — посоветовала Варвара.

Надя вся натянулась от потерянного счастья уже сейчас видеть перед собой сына.

— Я ему это же говорила, так он разве будет слушать?

— Подождите уж немножко, — сказала Люся.

— Лучше подождать, ага. А то можно только всё испортить. Потом уж сразу: так и так. На похороны должны отпустить.

— Ой-ёй-ёшеньки, — вздохнула Варвара. — Не думали не гадали. Одна матушка на всех, и вот.

— Сколько тебе их надо? — хмыкнул Илья.

Варвара обиделась:

— Ты прямо как не родной! Всё с подковыркой. Всё хочешь из меня дуру сделать. А я не дурней тебя, можешь не подковыривать.

— Я и не думаю, что дурней. Чего это ты взъелась?

— Ага, не думаешь.

Люся тихонько спросила у Нади:

— У вас швейная машинка есть?

— Есть, только не знаю, шьёт ли она. Давно уж не открывала.

— Сегодня стала смотреть, а у меня, как назло, ни одного чёрного платья, — объяснила Люся. — Побежала в магазин, материал купила, а шить, конечно, некогда было, только скроила. Придётся здесь.

— Не успеете сегодня.

— Успею, я быстро шью. Потом, когда лягут, тут, в кухне, и устроюсь.

— Ладно, я достану, посмотрите.

Перед тем как укладываться, сошлись опять возле матери, чтобы знать, с чем ложиться. Люся попробовала найти пульс и кое-как нащупала его — чуть живой. Михаил не утерпел и подёргал мать за плечо, и тогда вдруг услышали, как откуда-то изнутри донёсся стон не стон, храп не храп, будто и не материн вовсе, чужой, будто, занятая своим делом, огрызнулась смерть. На Михаила зашикали, но от этого звука сделалось всем не по себе, даже Нинка полезла к Наде, присмирела.

— Хоть бы до белого дня дожила, — всхлипнула Варвара и умолкла.

Стали укладываться. Изба была большая, но по-деревенски перегороджена всего на две половины: в одной лежала старуха, в другой спала Михайлова семья. Надя себе и Михаилу постелила на полу, а свою кровать отдала Люсе. Для Варвары нашлась раскладушка, которую поставили на старухиной половине, чтобы Варвара присматривала за матерью. Там же собирались положить на пол Илью, но он захотел спать в бане, баня у Михаила была чистая, без сажи и прелого духа, и стояла в ограде. Илье дали

доху и фуфайки под низ, а наверх ватное одеяло, и он ушёл, наказав, чтобы в случае чего будили.

Электричество у старухи выключили, зажгли лампу. Решили держать свет всю ночь, только убавили фитиль.

Надя достала машинку, поставила её на тот же стол, за которым сидели, и Люся сначала испробовала её ход на тряпке. Машинка шила хорошо.

— Ложись, — сказала Люся Наде. — Усни, пока можно. Неизвестно ещё, какая сегодня будет ночь.

Надя ушла. Её о чём-то спросил Михаил, она что-то ответила — все шёпотом.

Застрекотала машинка, и Люся сама испугалась, выпустила ручку — до того громким, как стрельба, показался её стук. На него тут же пришлёпала напуганная Варвара. Увидев Люсю, чуть остыла:

— Слава тебе господи! Думаю, кто тут такой. Прямо всю затрясло. Чё это тебе приспичило?

Люся не ответила, шила.

— На похороны, чё ли, чёрное-то приготавлиешь?

— Не понимаю: неужели об этом обязательно надо спрашивать?

— А чё я такого сказала?

— Ничего.

— Шей, я тебе ничё не говорю. Я вот посижу возле тебя маленько и уйду. Мешать не буду.

Варвара придвинула табуретку, пристроилась сбоку. Она так и не разделась, только отцепила чулки, и они стянутой кожей болтались ниже колен.

Где-то на реке отдаленно и сдавленно гуднул пароход, потом ещё и ещё. Варвара подняла голову, прислушиваясь, от напряжения сморщилась.

— Чё это он кричит?

— Не знаю. Сигналы кому-то подаёт.

— Другого места не нашёл, где подавать. Прямо всю перевернуло.

Она ещё посидела и нехотя поднялась:

— Пойду. Ты долго здесь будешь?

— Пока не сошью.

— Не надо было нам сегодня ложиться, ох не надо было, — покачала головой Варвара. — Сидели бы, разговаривали — всё веселей. Чует моё сердце — не к добру это.

Она ушла, но скоро воротилась, пугая Люсю, прислонилась к стенке.

— Что? — спросила Люся.

— Или уж мне кажется, или правда. Иди посмотри. Иди.

Люся не поверила, но сказать, что не верит, не смогла, пошла к матери. Она держала её руку, но слышала за своей спиной только тяжёлое, со свистом, дыхание Варвары: и-а, и-а, и-а... Пришлось отогнать её, и лишь тогда, и то не сразу, до Люси донеслись, угадываясь, будто за много-много километров, совсем тихие, теряющиеся толчки. Ей показалось, что с прошлого раза они стали ещё слабей и шли не подряд, а через один.

— Ты ложись, — жалея сестру, сказала Люся. — Я, пока шью, буду смотреть, а потом разбуду тебя.

— Да разве я усну? — по-ребячьи захныкала Варвара. — Илья хитрый какой, ушёл из избы, а тут как хошь. Разве мне теперь до сна? Всё буду думать, как да что. Лучше я возле тебя посижу.

— Сиди, если хочешь.

— Я тихонько буду.

Она опять пристроилась рядом, вздыхая, трогала материал, смотрела, как Люся шьёт.

— Ты это платье после с собой обратно повезёшь, нет? — спросила она.

— А что?

— Я к тому, что, если не повезёшь, я могла бы взять.

— Зачем оно тебе? Оно же на тебя не полезет.

— Я не себе. У меня девка уж с тебя вымахала. На неё как раз будет.